

Матильда КШЕСИНСКАЯ

Воспоминания

Эмигранты

Матильда Кшесинская

Воспоминания

«Издательство АСТ»

1959

УДК 792.82.071.2:929(470)

ББК 85.335.42(2)6-8

Кшесинская М.

Воспоминания / М. Кшесинская — «Издательство АСТ»,
1959 — (Эмигранты)

ISBN 978-5-17-160475-2

Матильда Кшесинская скончалась в 1971 году, ей было 99 лет. Ослепительная и никем не превзойденная балерина пережила свою страну, свой балет, мужа, друзей и врагов. У этой женщины не было возраста. В 64 года она станцевала на сцене Королевского театра в Ковент-Гардене свою легендарную «Русскую», в 86 лет написала свои знаменитые мемуары. Вместе с ней ушла эпоха: люди, собравшиеся у ее гроба, провожали в последний путь, блестящий и легкомысленный санкт-петербургский свет, украшением которого она когда-то была. Подруга наследника российского престола, бессменная хозяйка Императорского балета, Матильда Кшесинская добилась всего, чего хотела: стала законной женой одного из великих князей и превратилась в светлейшую княгиню Романову-Красинскую. Знаменитая балерина хранила достоинство и репутацию на протяжении всей жизни, в самых невероятных ситуациях, улыбаясь, переступала через общественное мнение. Именно поэтому судьба этой невероятной женщины привлекает к себе внимание по сей день. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 792.82.071.2:929(470)

ББК 85.335.42(2)6-8

ISBN 978-5-17-160475-2

© Кшесинская М., 1959

© Издательство АСТ, 1959

Содержание

Предисловие	8
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	23
Глава седьмая	25
Глава восьмая	28
Глава девятая	31
Глава десятая	32
Глава одиннадцатая	35
Глава двенадцатая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Матильда Кшесинская Воспоминания

Эмигранты

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Предисловие

Мои воспоминания я написала уже несколько лет тому назад, но печальные обстоятельства не позволили мне издать их раньше.

Когда я их закончила, Великая Княгиня Мария Павловна, сестра Великого Князя Дмитрия Павловича, которой я о них поведала, взяла их на прочтение. Она ими заинтересовалась и предложила заняться их изданием и переводом на английский язык, которым она владела в совершенстве. Она также выразила желание написать предисловие, в доказательство своей дружбы ко мне и чтобы подчеркнуть, как она говорила, что в семье меня не считают чужой.

В течение года мы совместно работали над окончательным редактированием воспоминаний, и она уже приступила к переводу. Но состояние здоровья не позволило ей довести работу до конца, и она вынуждена была от нее отказаться. Теперь ее нет в живых. Она скончалась в декабре 1958 года и покоится рядом со своим братом, Дмитрием, в склепе в имении сына, графа Бернадотта, в Майнау, в Германии.

За последние годы жизни силы моего мужа, Великого Князя Андрея Владимировича, начали сдавать, и мы не могли как следует заниматься изданием. К тому же в 1956 году я вторично сломала себе ногу и более шести месяцев пролежала прикованной к постели. Осенью того же года Господу Богу угодно было призвать к себе Андрея, и, потрясенная горем, я была не в состоянии что-либо делать.

Мои воспоминания я написала в тесном сотрудничестве с Великим Князем, и те, кто ознакомились с русским текстом, отдали должное его работе. Без него я вряд ли бы смогла написать их.

Глава первая

Семейные предания

Мы в детстве часто слышали от отца рассказ о происхождении нашего рода от графов Красинских¹. Семейное предание передавалось изустно от отца к сыну с XVIII века и сохранило живые краски. Но никому не пришло в голову записать его на свежую память со всеми яркими подробностями, и только теперь, с помощью брата и сестры, мне удалось отчасти восстановить рассказ отца так, как мы его слышали и как он сам, вероятно, слышал от нашего деда.

Героем событий был наш прадед, а дед лишь нес на себе тяжесть их последствий. Мы же все слушали историю наших предков с особым интересом, так как она определила нашу судьбу: благодаря тому, что произошло за полтора века до нашего рождения, создалась театральная династия Кшесинских, последними представителями которой являемся я и семья моего брата.

И дед, и отец пытались восстановить утерянные права, но это удалось лишь мне после смерти отца.

События, о которых рассказывал отец, произошли в первой половине XVIII века в Польше. Мой прапрадед, как старший в роде, унаследовал от своего отца, графа Красинского, крупное состояние, а его единственный младший брат получил лишь небольшую долю. Прапрадед вскоре после получения наследства овдовел и от тоски по любимой жене умер, оставив моего деда, Войцеха, на попечение преданного французского воспитателя. К осиротевшему двенадцатилетнему мальчику перешли обширные владения и крупное состояние графов Красинских.

Его дядя, считавший себя обездоленным и стремившийся захватить наследство Красинских, решил избавиться от Войцеха с помощью наемных убийц. Один из них, мучимый совестью, рассказал об этом воспитателю Войцеха, и тот решил, что единственным средством уберечь мальчика было немедленное бегство из Польши, где ему грозила опасность, во Францию. Собрав наспех кое-какие документы и то, что можно было захватить с собою, не привлекая внимания, француз бежал со своим воспитанником в 1748 году на родину и поместил мальчика в своей семье, имевшей дом под Парижем, в Нейи. Из предосторожности он записал Войцеха под именем Кшесинского², принадлежавшем ему, по-видимому, по женской линии.

После смерти воспитателя Войцех остался в Париже и там женился в 1763 году на польской эмигрантке, Анне Зиомковской. В 1770 году у них родился сын Ян. Когда он счел, что опасность миновала, мой прадед вернулся с сыном в Варшаву. На родине выяснилось, что за время его полувекового безвестного отсутствия дядя выдал его за умершего и таким путем получил в наследство все имущество графов Красинских. Попытки прадеда вернуть себе состояние своего отца остались тщетными, так как в поспешности бегства воспитатель не захватил с собою все необходимые документы. Между тем в Польше из-за войн и внутренних беспорядков погибло в огне и было утеряно много архивов, особенно церковных. Восстановить права прадеда в этих условиях оказалось невозможным. Прадед все же имел некоторые документы, которые хранил в отдельной шкатулке, придавая им особую цену; шкатулку эту он завещал моему деду Яну. «Береги ее как зеницу ока, после моей смерти она откроет тебе иной путь», – часто говорил дед моему отцу.

Но мой отец, по своей доверчивости, не мог ее уберечь: один из родственников уговорил его передать ее ему для хранения в безопасном месте, и шкатулки потом не вернул. Куда она исчезла и что с ней стало, установить оказалось невозможно. Единственное, что сохранилось у моего отца в доказательство его происхождения, было кольцо с гербом графов Красинских, так называемый геральдический «слеповронок». Описание его имеется в польском гербовнике: «На лазуревом поле серебряная подкова, увенчанная золотым крестом. На нем черный ворон

с золотым перстнем в клюве. На щите графская корона, шлем, дворянская корона, на которой сидит тот же ворон. Намет лазуревый, подложенный серебром».

Мой отец хорошо помнил, как он, еще ребенком, ездил с дедом во дворец Красинских, и каждый месяц дед получал известную сумму денег. Это являлось косвенным доказательством его происхождения.

В 1798 году, вскоре после своего возвращения в Варшаву, мой дед женился на Фелицате Петронелли-Деренговской. У него было от нее трое детей: мой дядя Станислав, родившийся в 1800 году, моя тетя Матильда и мой отец Феликс, родившийся в 1821 году.

Мой дед с детства занимался музыкой и был виртуозом на скрипке. Говорили, что он выступал на концертах с Никколо Паганини. Он обладал в юности прекрасным голосом и стал первым тенором Варшавской оперы. Его прозвали «словик» – соловей, а польский король называл его «мой словик». Но потом он потерял свой голос и тогда перешел на драматическую сцену и стал замечательным актером. Умер он ста шести лет, случайно, от угара. В некрологе о нем писали, что Ян Кшесинский обладал поразительным голосом, необычайной мягкости и замечательного тембра, и был великим артистом польского театра на трагических и комических ролях.

Мой отец с восьмилетнего возраста обучался хореографии под руководством балетмейстера Мориса Пиона. Сначала он выступал в классических танцах, но потом всецело посвятил себя характерным танцам и мимическим ролям.

В 1835 году, когда моему отцу было четырнадцать лет, он в городе Калише впервые танцевал в присутствии Императора Николая Павловича. Около Калиша были устроены грандиозные военные смотры в честь Прусского короля Фридриха-Вильгельма III, и по случаю этих торжеств был построен театр и откомандированы из Варшавы лучшие артисты, в том числе и мой отец.

Свидание двух монархов в Калише было крупным политическим событием, и Император Николай Павлович хотел придать особый блеск торжествам по этому случаю. Кроме маневров и военных смотров войскам, собранным вокруг города, в самом городе давались балы, спектакли и пышные приемы. Мой отец любил нам рассказывать об этих калишских празднествах, которые отразились на его театральной карьере.

Император Николай Павлович посещал Варшаву несколько раз, и ему нравились польские национальные танцы, в особенности мазурка. В Петербурге эти танцы тогда еще не были известны, и в 1851 году Император Николай Павлович решил выписать из Варшавы пять танцовщиков и танцовщиц для исполнения мазурки. В их числе был и мой отец. Мазурка имела огромный успех и с этого времени стала любимым танцем не только на сцене, но и на балах.

Мой отец должен был приехать в Петербург вместе со всеми, но во время представления в Варшаве балета «Катарина» нечаянно пыжом прострелил себе руку. Рана оказалась настолько серьезной, что опасались потери кисти руки, но ампутации делать не пришлось, рану вылечили, и он только лишился первого совместного с товарищами выступления в мазурке. Приехал он позже других и выступил 30 января 1853 года на сцене Императорского Александровского театра в «Крестьянской свадьбе».

Он танцевал краковяк, мазурку и па-де-труа со Снетковой 1-й и Паркачевой. С этого времени мой отец окончательно поселился в Петербурге и жил там до самой своей смерти.

Он имел на сцене Мариинского театра неизменный успех у публики, а его исполнение мазурки считалось образцовым, так что его ставили выше знаменитого варшавского танцовщика Попеля. А. Плещеев, видевший его в расцвете его славы, писал о нем: «Более удалое, гордое, полное огня и энергии исполнение этого национального танца трудно себе представить. Кшесинский умел придать ему оттенок величественности и благородства. С легкой руки Кшесинского или, как выразился один из театральных летописцев, с легкой его ноги, положено было начало процветанию мазурки в нашем обществе. У Феликса Ивановича Кшесинского

брали уроки мазурки, которая с этой даты сделалась одним из основных бальных танцев в России»³.

Император Николай Павлович, который вообще очень интересовался балетом, так любил мазурку, что, когда 11 июля 1851 года, в день тезоименитства Великой Княгини Ольги Николаевны, в Петергофе был дан парадный спектакль на открытом воздухе, на генеральной репетиции Государь прошел на сцену и пожелал, чтобы протанцевали мазурку. Когда оказалось, что артисты не взяли с собою польских костюмов, он приказал танцевать свой любимый танец – мазурку – в костюме неаполитанских рыбаков. По счастью, капельмейстер А. Н. Лядов захватил с собою ноты. Этот случай был рассказан современником, генералом М. Гейротом, в его книге «Описание Петергофа»⁴.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Настоящая родословная составлена на основании Гербовника Польского Дворянства «Родина», том 8-й, с. 119, Варшава, 1911 год.

Род Кшесинских

Мой прадед— Войцех, род. в 1736 г.; в 1748 г. бежал во Францию. В 1768 г. женился в Париже на польской эмигрантке Анне Зиомковской.

Мой дед – Иван-Феликс (сын предыдущего), род. в 1770 г., скончался 106-ти лет, т. е. в 1876 г. Знаменитый скрипач, певец и драматический артист. В 1798 г. женился на Фелицате Петронелли-Деренговской. Она скончалась в 1870 г. в Петербурге у нас на квартире и была похоронена на католическом кладбище на Выборгской стороне.

Мой отец – Адам-Феликс, род. 9 ноября 1823 г., так значилось в бумагах, а отец утверждал, что он родился в 1821 г. В начале 60-х годов он женился на Юлии Доминской, вдове Ледэ, балетного артиста. От первого брака у моей матери было пять человек детей, не считая четверых умерших в младенчестве. От второго брака нас было четверо.

Мой брат – Станислав, род. в 1864 г., скончался, кажется, в 1868 г.

Моя сестра – Юлия⁵, род. 22 апр. 1865 г., 11/24 дек. 1902 г. вышла замуж за барона Александра Логгиновича Зедделера, офицера Л.-Гв. Преображенского полка. Он род. 23 мая 1868 г., скончался 18 ноября 1924 г. в Кап д'Ай.

Мой брат – Иосиф-Михаил (Юзя)⁶, род. в 1868 г. В 1896 г. женился на Серафиме Александровне Астафьевой⁷, и в 1898 г. у него родился сын Вячеслав (или Славушка).

Я сама – Матильда-Мария, род. 19 авг./1 сент. 1872 года. 17/30 янв. 1921 г. я вышла замуж за Великого Князя Андрея Владимировича.

Глава вторая

Детские годы

Детство мое было очень счастливое и радостное. Мои родители очень любили своих детей и жили для них. Своею любовью и заботою о нас они создали ту чарующую обстановку, которая останется навсегда самым дорогим воспоминанием моего детства.

Моя мать окончила Императорское Театральное училище и несколько лет была артисткой балетной труппы, но вскоре покинула сцену, выйдя замуж за артиста балетной труппы Леде, француза по происхождению.

Овдовев, она вышла замуж вторым браком за моего отца. От этих двух браков у моей матери было всего тринадцать человек детей, из коих я была самая младшая, тринадцатая.

Я родилась 19 августа по старому стилю, или 1 сентября – по новому, 1872 года, в местечке Лигово, на 13-й версте по Петергофскому шоссе, где мои родители нанимали дачу, чтобы проводить лето вдаль от пыльного города и дать детям простор и чистый воздух.

Туда мы несколько лет подряд уезжали на летние месяцы. Недалеко от дома, где я родилась, находился знаменитый Красный кабачок, где в июне 1762 года переночевала Императрица Екатерина Вторая, когда во главе гвардейских полков шла походом, в форме Лейб-Гвардии Преображенского полка, – она была провозглашена Императрицей 23 июня.

Я была любимицей отца. Он угадывал во мне влечение к театру, природное дарование⁸ и надеялся, что я поддержу славу его семьи на сцене, где блистали его отец и он сам. С трехлетнего возраста я любила танцевать, и отец, чтобы доставить мне удовольствие, возил меня в Большой театр, где давали оперу и балет. Я это просто обожала. Во время одной из таких поездок в театр произошел случай, который так глубоко врезался в мою память, что я вижу его до сих пор во всех подробностях, как будто это случилось вчера.

Однажды отец повез меня в Большой театр на дневное представление балета «Конек-Горбунок» и поместил меня в одной из закулисных лож третьего яруса, которые предоставлялись артистам.

«Конек-Горбунок», поставленный Сен-Леоном впервые 3 декабря 1864 года для бенефиса Муравьевой, был чудным балетом, вполне понятным для маленькой девочки, которая только начинала любить театр. Отец исполнял мимическую роль Хана, одну из лучших в его репертуаре, и создавал незабываемый художественный образ. Посадив меня на стул, он поспешил в свою уборную, чтобы загримироваться и переодеться к предстоящему спектаклю.

Я осталась одна в ложе. Прелесть этих лож заключалась в том, что они были на сцене и из них можно было видеть не только весь спектакль, но и перемену декораций во время антрактов, что, конечно, меня очень занимало. Никогда не забуду, с каким восхищением я смотрела спектакль, с каким вниманием следила за танцами, за игрою отца, как любовалась декорациями и световыми эффектами – то день на сцене, то ночь и луна, то ветер и гроза с громом и молнией, – все это представлялось мне сказочно прекрасным, таинственным и необыкновенно увлекательным.

Когда спектакль кончился, я стала терпеливо ожидать отца, зная, что ему нужно время, чтобы переодеться и прийти за мною для совместного возвращения домой. Но видя, что никто за мною не приходит, я тихонько слезла с кресла и спряталась за ним, чтобы меня не заметили, в расчете, что мне удастся остаться в ложе до вечернего спектакля, который должен был начаться через несколько часов. Пока же я могла из своей засады наблюдать, как к вечернему представлению ставились новые декорации, и это было для меня очень занимательно.

Тем временем мой отец, разгримировавшись и переодевшись, спокойно отправился домой, довольный спектаклем и совершенно забыв все остальное, в том числе и меня. Увидев его одного, моя мать воскликнула в ужасе: «Где же Маля? Где ты ее оставил?»

«Боже! – вскрикнул отец. – Я позабыл ее в театре». – И бросился обратно за мной.

Я между тем отлично устроилась в ложе за креслом, наблюдая за тем, что происходило на сцене. Заслышав шаги отца, я быстро залезла под кресло в надежде, что он меня не найдет и что я все-таки смогу увидеть вечерний спектакль. Но, увы, это мне не удалось, и мой отец, к полному удовольствию моей матери, привел меня домой.

Большого театра более не существует⁹. Его уничтожили в прошлом веке, и на его месте была построена Консерватория и при ней театр. С Большим театром связаны мои первые театральные впечатления, там проявилась моя любовь к театру, и там же я впервые выступила на сцене. И на том же месте, но уже в театре Консерватории, я в последний раз выступила в России, в 1917 году.

От брака с моим отцом у моей матери было четверо детей, из которых один умер младенцем. Мы все трое поступили на сцену. Моя старшая сестра, Юлия, была очень красива и лучше всего исполняла характерные танцы; она выступала под именем Кшесинской 1-й, считалась украшением сцены, и ей всегда давали лучшие места. Мой брат Юзя был очень талантливым первым танцовщиком и походил на отца – такой же красивый, высокий, стройный и так же любил свое искусство, как мой отец, который ставил его выше всего в жизни.

Теперь, поведая за долгую жизнь немало замечательных артистов, я вспоминаю моего отца и Вирджинию Цукки¹⁰ и думаю, что при всей перемене взглядов, техники, требований балетного искусства они и теперь имели бы такой же успех и считались бы такими же первоклассными артистами, которые могли быть примером для тех, кто на сцене переигрывают и не переживают своей роли всем сердцем и душой.

По случаю шестидесятилетнего юбилея артистической деятельности моего отца 8 февраля 1898 года газеты отмечали невозможность даже упомянуть все те роли, которые ему пришлось исполнить, и перечислить балеты, в которых он выступал. «Менялись балетмейстеры и балерины, менялись начальники, менялись режиссеры и капельмейстеры, но он неизменно оставался на своем посту и был не только несменяемым, но и незаменимым».

Действительно, было бесчисленное множество балетов, в которых выступал мой отец за время своей долгой артистической карьеры, но мне ближе всего были те балеты, в которых я выступала с ним вместе, – «Пахита», «Дочь фараона», «Эсмеральда». Он вдохновлял меня своей игрой, и я ощущала себя вместе с ним не артисткой на сцене, а тою, которую я должна была воплощать.

Никто не танцевал так мазурку, как мой отец, который вкладывал в нее весь свой темперамент. Этот танец он передал мне, и я его восприняла глубоко. Балетоманы долго вспоминали его исключительный успех в поставленной им мазурке в балете «Которая из трех», которую он исполнял с Марией Сергеевной Петипа, Лядовой 2-й и Кошевой. Рецензисты отмечали, что не было равного ему исполнителя мазурки за все время его пребывания на сцене. Именно он ввел мазурку в Петербурге и Москве, где до того ее никогда не исполняли ни в театре, ни на балах, ни при дворе. Благодаря исполнению моего отца и под влиянием особой любви к ней Императора Николая Павловича, она была введена на сцену, а затем, в более доступной для непрофессиональных исполнителей форме, стала вводиться всюду. Все стали брать уроки мазурки у моего отца, он был всюду принят дружески. Часто я сопровождала отца на его уроки детям, и мне доставляло большое удовольствие танцевать с детьми и увлекать их в вихрь бешеной мазурки.

Глава третья

Домашняя жизнь

Мой отец не был богат, но сценой и уроками зарабатывал достаточно, чтобы в доме был полный достаток и мы могли бы жить с комфортом. Мы всегда занимали большие квартиры в лучшей части города и непременно с большой залой, в которой отец давал уроки. Время его уроков я очень любила. Из зала раздавались звуки вальса и мазурки, а я в соседней комнате, еще совсем маленькая, танцевала, как могла, под доносившуюся музыку.

В часы, свободные от театра и уроков, мой отец любил заниматься ручными работами и был в этом «маленьком искусстве», как и в большом, настоящим мастером. Помню, он построил аквариум – очень сложный, с подводными украшениями из камней. Но настоящим чудом техники была сделанная им модель Большого петербургского театра со всеми мельчайшими подробностями: декорации поднимались и опускались как в настоящем театре, было устроено настоящее театральное освещение масляными маленькими лампами, и можно было, крутя рукоятку, приводить в действие полную смену декораций, как в подлинном театре. Отец сам написал для одного балета все декорации. Эту модель мы после его смерти подарили Театральному музею А. А. Бахрушина в Москве¹¹.

Туда же я отдала мой первый детский польский костюм, который мне сшили, когда мне было года четыре. Он был такой маленький, что годился бы для куклы. Я отдала в Бахрушинский музей и мои детские танцевальные туфли, в которых я выступала на сцене Большого театра в балете «Конек-Горбунок». Я появлялась в картине подводного царства, и роль моя заключалась в том, что я должна была вынуть кольцо из пасти кита. Кольцо я получала до начала спектакля, сама клала его заранее в пасть кита, а потом уже вынимала его во время действия. Хотя это было в конце балета, я все-таки приходила за час до начала представления, боясь опоздать, чтобы получить кольцо и парик.

Мой отец был большим хлебосолом, и для него самым большим удовольствием было принимать гостей у себя и угощать – в этом он был великий мастер. В особенности он отличался своим кулинарным искусством на Пасху и на Рождество. На столе появлялись тогда разнообразные и многочисленные блюда сообразно старой традиции, которая строго соблюдалась в нашей семье. Я думаю, что хлебосольство перешло от отца ко мне: я тоже всю жизнь любила принимать и угощать, и говорят, что я, как мой отец, умела располагать гостей к общему веселью.

К Пасхе отец сам готовил куличи. Он надевал белый передник и сам месил тесто, непременно в новом, деревянном корыте. Куличей по традиции пекли двенадцать – по числу апостолов. На пасхальный стол ставили сделанного из масла агнца с хоругвью. В Страстную Субботу приглашали ксендза благословить пасхальный стол.

Сочельник справлялся очень торжественно в тесном семейном кругу, и из посторонних звали только самых близких старых друзей; помню, что бывал Раш, воспитатель моего брата Юзи.

Мои родители принадлежали к польской римско-католической церкви, и Сочельник справлялся согласно старинным обычаям. До шести часов вечера, до первой звезды, ничего нельзя было взять в рот. За ужином, который был главным событием этого дня, все кулинарные способности отца проявлялись вполне. По традиции полагалось подавать тринадцать рыбных постных блюд, из которых каждое имело свое особое символическое значение, но потом это число было сокращено до семи блюд. Из рыбных блюд считались обязательными судак польски и жареная рыба. Потом подавали два сорта ухи в двух отдельных мисках, которые ставились у прибора матери, и она нам разливала. В одной миске подавалась русская уха, а в

другой – польская, со сметаной. Эту польскую уху я очень любила и до сих пор вспоминаю ее с наслаждением, но после родительского дома я нигде ее больше не видала. Очевидно, ее изготовление было кулинарным секретом моего отца. После ужина зажигали елку, под которой были разложены подарки для гостей. Я сохранила этот обычай на всю жизнь, и до сих пор нет у меня больше удовольствия, как зажигать елку и раздавать подарки.

Глава четвертая

Лето в имении

Я очень любила проводить лето в имении Красницы около станции Сиверской, в шестидесяти трех верстах от Петербурга по Варшавской железной дороге. Отец купил его у генерала Гаусмана. На возвышенном берегу реки Орлинки был расположен прекрасный двухэтажный деревянный дом, откуда был вид на долины и поля далеко вокруг. Отец устроил дом по-своему, обшил вагонкой и заново окрасил стены, но главной переделкой была постройка обширной столовой, так как старая была мала для нашей семьи и постоянно наезжающих гостей. Старая столовая была снесена, а на ее месте отец построил новую, просторную, светлую, где помещался огромный стол, за которым можно было свободно разместиться.

На протекавшей внизу речке Орлинке была построена против нашего дома купальня. Недалеко от дома был большой фруктовый сад с огородом, за садом шел дремучий лес, куда я ходила за грибами. При имении была своя ферма с полным молочным хозяйством, птичий двор и курятник. Прекрасные луга давали чудное сено для скота. Сенокос был для детей лучшей порой лета. Перед началом сенокоса косцам выставлялось угощение, как полагалось по обычаю. Отношения с окрестными крестьянами были прекрасные, и они любили и уважали моего отца за его сердечность и справедливость, а с отца переносилась любовь и на меня. В имении стараниями отца все было в хозяйственном отношении отлично устроено, содержалось в большом порядке и чистоте, и хотя соблюдалась экономия, но всего было вдоволь. В этом имении я проводила лето в течение всего моего детства и прожила в нем много, много счастливых дней.

В поле и на ферме все было заведено отцом, а в доме хозяйством ведала мать, и вела его она прекрасно, экономно и с любовью. Роскоши не было, но изобилие было полное. Кухарку, готовившую очень вкусно, и горничную Машу мы привозили с собою из города, а черную работу в буфете и на кухне исполняли нанимавшиеся на лето крестьянки.

В соседних деревнях были прекрасные лавки, где все можно было покупать, а чего нельзя было там достать, отец привозил из города в большом кожаном мешке. Мы, детьми, всегда толпились вокруг отца, когда он возвращался из города, чтобы проведать, какие вкусные вещи привез он с собою завернутыми в таинственные пакеты.

Жизнь в имении начиналась очень рано. Отец вставал в пять часов утра, чтобы успеть присмотреть за хозяйством и проверить, все ли делается по его желанию. Мы же вставали позже, прямо к утреннему кофе. В грибное время я вставала с зарею, чтобы до кофе пойти в лес за грибами, это было летом моим любимым занятием. Я очень боялась пауков и брала с собою палку, чтобы прочищать дорогу от паутины. Однажды, завидя под деревом большой, чудный гриб, я бросилась к нему, забыв о мерах предосторожности, и попала лицом прямо в паутину, а паук сел мне на нос. В перепуге я бросила корзину с грибами и со страшным ревом и криком бросилась сломя голову бежать домой, не решившись даже смахнуть противного паука с носа.

Любимой нашей игрой была «палочка-воровка». Один из нас бросал палочку как можно дальше, а другой, который избирался «хранителем» ее, должен был медленными шагами подойти, положить палочку на определенное место, обычно на скамейку, и постучать ею в знак начала игры. Пока он шел, другие прятались, кто куда мог, от него и затем пытались незаметно подкрасться и постучать ею о скамейку, что означало конец игры. «Хранитель», не отходя от палочки, старался этому помешать, оглядываясь кругом, и если кого замечал, то называл его по имени, и тот должен был выйти из игры. Если же «хранитель» ошибался в имени, то можно было опять спрятаться и снова подкрадываться за палочкой. Мы любили играть в сумерках, когда разглядеть крадущегося было трудно, «хранитель» ошибался в имени, и игра длилась

дольше. В игре мы часто прятались в кустах и в ветвях деревьев, и, чтобы удобнее было лазить по деревьям, я надевала мужской серый костюм.

Утренний кофе был в восемь часов утра, и чего только к нему не подавалось: домашние молочные продукты, домашние булочки, печенья, варенья. Мы очень любили покушать. В час подавался обед со множеством разных блюд. Днем мы бегали во фруктовый сад объедаться фруктами и ягодами, а в пять часов подавался дневной кофе, и снова стол был уставлен: протокваша, варенец, густые сливки, печенья, все это поглощалось с аппетитом после дневных игр и беготни. Ужин в девять часов вечера состоял из нескольких горячих блюд и всего, что можно было вообразить из холодных блюд: домашние маринады, холодная ветчина, копченый сиг и яства, которые отец привозил из города, – всего не перечесать.

Спать мы ложились по-деревенски рано. Трудно было не полнеть при таком режиме, и раз меня за это пристыдил при всем классе балетмейстер Лев Иванов. На первой репетиции осенью он указал на меня и громко сказал: «Жаль, что столь талантливая артистка так располнела».

Самым веселым праздником за лето был день моего рождения 19 августа. Отец старался придать этому дню исключительную торжественность. Не только во всех окрестных деревнях, но и в дачных поселках, и в имениях день этот был известен благодаря тому, как обставлял отец это празднование.

С утра крестьяне соседних деревень приходили с семьями поздравлять меня и приносили гостинцы: корзинку с яйцами свежими или с ягодами, с творогом, грибами, сметаной или вышитые крестиками полотенца – эти подарки меня очень трогали. Крестьянские дети были нашими товарищами по играм, и каждое воскресенье у нас устраивалось для них угощение.

Гости постоянно наезжали к нам, особенно по субботам и воскресеньям, но в день моего рождения приезжали и из города, и из соседних имений.

Размещали гостей по всем комнатам, а если места не хватало, то и на сеновале. Помню, раз мы нарочно убрали приставную лестницу на сеновал, куда один из гостей пошел днем отдыхать, – и он потом не знал, как ему оттуда слезть.

Вечером вокруг дома зажигалась иллюминация, которую отец приготавливал из простых сальных плашек. А затем был великолепный фейерверк, заранее приготовленный моим отцом. Полюбоваться фейерверком приходили отовсюду, так как отец, как и во всем другом, оказывался замечательным «фейерверкмейстером». Особенно удачные номера фейерверка приветствовались криками толпы.

Раз в день моего рождения под вечер прискакала из соседнего имения целая кавалькада с факелами, и это внесло много оживления.

Конечно, подавался вкусный обильный ужин с обязательным шведским горячим пуншем, который тоже готовился отцом по ему одному известному рецепту. Он придумывал разные сюрпризы, чтобы меня потешить в этот день. Так, раз он подвесил к потолку столовой веночек из живых цветов, который за ужином сам опустился мне на голову. Другой раз, когда он хотел повторить этот номер, веночек по оплошности спустился на голову моего придурковатого соседа, что вызвало общий смех.

Четырнадцатилетней девочкой я кокетничала с молодым англичанином Макферсоном. Я им не увлекалась, но мне нравилось кокетничать с молодым и элегантным юношей. В день моего рождения он приехал со своей невестой, это меня задело, и я решила отомстить. Пропустить этот афронт даром я не могла. Выбрав время, когда мы все были вместе и его невеста сидела рядом с ним, я ненароком сказала, что люблю по утрам до кофе ходить за грибами. Он любезно спросил меня, не может ли пойти со мной. Этого мне только и нужно было – значит, клюнуло. Я ответила в присутствии невесты, что если она даст ему разрешение, то я ничего не имею против. Так как это было сказано в присутствии всех гостей, то ей ничего не оставалось, как дать требуемое согласие. На следующее утро мы отправились с Макферсоном в лес за грибами. Он мне тут подарил прелестное портмоне из слоновой кости, с незабудками

– подарок, вполне подходящий для барышни моего возраста. Грибы мы собирали плохо, и к концу прогулки мне казалось, что он совсем позабыл про свою невесту. После этой лесной прогулки он стал писать мне любовные письма, присылал цветы, но мне это скоро надоело, так как я им не увлекалась. Кончилось это тем, что свадьба его не состоялась. Это был первый грех на моей совести.

Глава пятая

Императорское театральное училище

За Императорским Александринским театром, со стороны входа для артистов, шла широкая, короткая Театральная улица, ведущая к Чернышеву мосту. Этот ансамбль петербургского стиля Империи, желто-белого цвета, был одним из красивейших в Петербурге. Театральная улица была целиком занята казенными зданиями. С правой стороны от Александринского театра было министерство, где помещалась театральная цензура, а вся левая сторона была занята великолепным зданием Императорского Театрального училища с лепными барельефами на стенах.

Александринский театр со своими знаменитыми конями на крыше был повернут фасадом к Невскому проспекту. Театральная улица была всегда тиха, и только изредка из широких ворот здания училища выезжала закрытая карета, в которой вывозили будущих балерин на репетиции и на спектакли. Даже на самое маленькое расстояние и во все времена года воспитанницы училища выезжали в этих огромных, старомодных, наглухо закрытых каретах, которые, конечно, вызвали любопытство и желание разглядеть тех, кто прятался за окнами.

Оба театральных училища, петербургское и московское, были подчинены Министерству Императорского Двора и состояли в ведении Дирекции Императорских театров.

Каждую осень в балетное училище принимались дети от девяти до одиннадцати лет, после медицинского осмотра и признания их годными к изучению хореографического искусства. Жюри было строгое, и лишь часть записавшихся на экзамен попадала в школу, в которой училось около шестидесяти-семидесяти девочек и сорока-пятидесяти мальчиков. Ученики и ученицы были на полном казенном иждивении и отпускались домой только на летние каникулы. Во время своего пребывания в школе они иногда выступали на сцене.

По окончании балетной школы в семнадцать-восемнадцать лет ученики и ученицы зачислялись в труппу Императорских театров, где оставались на службе двадцать лет, после чего увольнялись на пенсию или оставались на службе по контрактам. В балетной школе преподавали не только танцы, но и общие предметы наравне с нормальными школами – было пять классов с семилетним курсом.

Хотя в Москве и в Петербурге были отдельные две труппы и два отдельных училища, но они входили в общий состав Министерства Императорского Двора, управлялись Директором Императорских театров и составляли как бы одно целое. Артисты петербургского и московского Императорских театров выступали в обеих столицах.

По правилам все воспитанники и воспитанницы должны были жить в школе на казенном иждивении, но иногда разрешалось некоторым из них обучаться в школе, продолжая жить дома. Таким исключением были мы трое. Обычно стремились попасть в школу интернами, на полном казенном содержании, так как тогда не надо было ничего платить, но мои родители были против этого и не хотели отдавать нас в закрытое заведение, желая иметь нас дома возле себя и давать нам общее образование сами. Они не хотели, чтобы мы теряли связь с домом, считая семейную обстановку главным условием воспитания детей. Конечно, это требовало от нас дополнительной работы. Кроме уроков в училище еще каждый день уроки дома, но мы были счастливы, что живем в семье, видим родителей и не лишены общения с ними, как «пепи-ньерки» – воспитанницы училища.

Первой в училище поступила моя сестра Юлия, которая была старше меня на шесть лет, а потом мой брат Юзя, который был старше меня на четыре года. Меня определили в Императорское Театральное училище осенью 1880 года, когда мне минуло восемь лет.

Императорское Театральное училище помещалось в огромном казенном здании в Санкт-Петербурге на Театральной улице, которая шла от Александринского театра к Чернышеву мосту. Училище занимало два верхних этажа этого трехэтажного здания. Во втором этаже, или бельэтаже, помещались воспитанницы, а в третьем – воспитанники. В каждом были свои обширные репетиционные залы, классы и дортуары, с высокими потолками и огромными окнами. Во втором этаже помещался маленький школьный театр, отлично оборудованный, с всего несколькими рядами кресел. Там происходили школьные выпускные спектакли, которые позже были перенесены в Михайловский театр.

В этом театре в день выпускного спектакля решилась судьба всей моей жизни.

Когда я поступила в Театральное училище, первым моим учителем был Лев Иванович Иванов, замечательный балетмейстер, из постановок которого остались непревзойденными второй акт «Лебединого озера» и «Щелкунчик» Чайковского. Из отдельных поставленных им танцев особенно остался у всех в памяти его «Чардаш» на музыку Листа¹².

Лев Иванович сам аккомпанировал на скрипке и, как мне иногда казалось, любил ее больше, чем нас. Его дарованию не дано было полностью развиться, и он не создал всего того, что мог бы дать при иных условиях. Мешала отчасти его природная леность, а отчасти его положение, при котором главный балетмейстер Петипа правил все и мог всегда взять его балет и по-своему слегка изменить, так что он оставался потом балетом Петипа. Он преподавал начальные упражнения, своего рода азбуку балетного искусства, и меня это не могло увлекать, так как я все это прошла уже дома. Мне иногда казалось, что он диктует нам движения и делает замечания почти по инерции. Ленивым голосом он говорил нам: «плие», «коленки надо вывернуть», но не останавливал, не исправлял, не задерживал класс из-за неправильного движения какой-либо ученицы. Мне тогда казалось, что он не творил в классе, не вдохновлялся и не вдохновлял нас, а только исполнял машинально свою обязанность.

Впоследствии, когда я уже была балериной и он бывал у меня, я открыла у него страсть не только к скрипке: он, как и многие артисты, любил покушать и, с особым чувством разворачивая салфетку, говорил: «Покушаем».

У Льва Ивановича Иванова я оставалась в классе с восемью до одиннадцати лет. В одиннадцать лет я перешла в класс балерины Императорских театров Екатерины Вазем, где исполнялись уже более сложные движения. Проходили не только упражнения и следили не только за правильностью исполнения, но требовали грации в танце. Ее урок начинался с экзерсисов у палки, потом на середине адажио и аллегро. Па были не очень сложные – аттитюд, арабески, прыжки, заноски, движение на пальцах, па-де-бурре, перекидные со-де-баск – все те основные па, которые остались и теперь при всей изощренности новой техники. Вазем обращала внимание на правильную постановку ноги на пальцах, что имеет очень большое значение, и на выворотность. Ее класс был переходным к старшему, уже виртуозному танцу класса Иогансона. Вазем следила внимательно за ученицами и останавливала, если находила исполнение недостаточно правильным или лишенным грации. Меня она одобряла и иногда только ласково замечала: «Кшесинская, не морщите лоб, рано состаритесь». Все же мне казалось, что и в ее классе не было вдохновения, так как все эти движения были мне уже знакомы раньше и я не могла ими увлекаться по-настоящему.

Я была у нее с одиннадцатилетнего возраста до тех пор, когда мне исполнилось пятнадцать лет и я перешла в класс Христиана Петровича Иогансона, уроки которого очень любила и потом занималась с ним, уже будучи артисткой. По происхождению он был швед, но в Петербурге успел обрусеть. Он был не просто преподавателем, а поэтом своего искусства, вдохновенным артистом и творцом. Он был мыслителем и наблюдателем и делал очень меткие замечания, которые помогали нашему художественному развитию. Его искусство было благородно, потому что было просто, да и сам он был прост, потому что был искренен. Каждое движение было у него полно смысла, выражало определенную мысль и настроение, и он старался

то же передать нам. Это он дал мне основы для моего будущего развития, и я ему многим обязана в моей карьере.

Помещения воспитанников и воспитанниц были строго отделены. В бельэтаже помещались дортуары и классы воспитанниц и репетиционные залы, два больших и один маленький, откуда широкий коридор вел в школьный театр, помещавшийся в том же этаже. Оттуда небольшая лестница вела в верхний этаж, где помещались дортуары и классы воспитанников, кабинет инспектора, репетиционные залы, соответствовавшие залам воспитанниц по расположению и размерам. Из репетиционных зал воспитанников, мимо кабинета инспектора и классов, широкий коридор, соответствовавший коридору воспитанниц, вел в небольшую нарядную церковь, залитую солнцем и сверкавшую драгоценностями икон, поднесенных своей школе артистами. Воспитанницы поднимались из своего этажа по широкой парадной лестнице и, в своих длинных форменных платьях, с белыми короткими пелеринками, с туго заплетенными косами и строго приглаженными волосами, шли по коридору в церковь в сопровождении классных дам. Церковь помещалась в этаже воспитанников в самом конце коридора и была расположена как раз над театром этажа воспитанниц. Службы бывали по субботам всенощные и обедни по воскресеньям и в праздничные дни.

Между воспитанниками и воспитанницами строго запрещалось всякое общение, и нужно было много хитростей и уловок, чтобы обменяться записочкой или улыбкой. Во время урока танцев и репетиций со всех сторон следили классные дамы, чтобы не допустить взгляда или движения, и все же, так как это было единственное время встреч, удавалось перекинуться словом и пококетничать. Это входило в традиции школьного быта, и каждая воспитанница непременно имела кого-либо из воспитанников, с которым вела кокетливую игру. Эти мимолетные встречи, мимолетное кокетство были наивными и почти детскими. Несмотря на все преграды, все же происходили легкие флирты, вспыхивали легкие увлечения, которые иногда принимали характер настоящей любви, несмотря на строгий, почти монастырский режим школы.

Учебные классы у нас делились на две стороны: с левой сидели воспитанницы, «пепиньерки», а с правой приходящие – экстерны. Хотя я была приходящей, но с особого разрешения Дирекции я была в виде исключения приравнена к воспитанницам и сидела с ними на левой стороне. Мне было легко учиться, так как я занималась одновременно дома и урок всегда был у меня приготовлен. В классе я была тихоней, несмотря на мой живой и бедовый характер, и держалась я сдержанно, так что начальница и классные дамы меня любили и ставили в пример.

Но от природы я была кокеткой и по этому поводу помню один случай. У нас был молодой и довольно красивый учитель географии, Павловский. К его уроку я старалась кокетливо одеться на случай, если меня вызовут к доске. Павловский имел обыкновение вызывать учениц по очереди, так что те, которые были на предыдущем уроке у доски, были спокойны, что их на этот раз не вызовут, и даже зачастую урока вовсе не готовили. Я же всегда урок свой знала даже тогда, когда могла быть уверенной, что к доске меня не вызовут. Однажды я пришла в класс в зимних зашнурованных ботинках и в теплых клетчатых чулках и не переобулась, так как меня вызывали на предыдущем уроке и я знала, что меня не вызовут к карте. Павловский вызвал ученицу Степанову, которая как на грех урока совершенно не знала и не могла ответить ни на один вопрос. Учитель был очень недоволен и сказал классу: «Я уверен, что Кшесинская, хоть и не ее очередь сегодня отвечать, наверное знает урок прекрасно и ответит без ошибки» – и потом, обращаясь ко мне, попросил меня выйти к карте и отвечать. Я встала, как это полагалось, когда обращается учитель, и ответила, смутясь, что урок я знаю, но прошу разрешения ответить с места, не подходя к карте. Он удивленно на меня посмотрел, не понимая, в чем дело, но, считая меня примерной ученицей, разрешение дал, что было против правил. Я ответила свой урок безошибочно и, довольная, села на место. После класса Павловский подошел ко мне и спросил, почему я не хотела выйти к доске. Я сначала замялась, мне было неловко сознаваться, но потом я все-таки сказала, что мне не хотелось выходить в теплых чулках и ботинках

к доске, где все могли это видеть. Он выслушал внимательно и мило улыбнулся, видимо, поняв значение для меня такой причины.

Глава шестая

Первые влияния

Через год после того как я поступила в училище, я впервые танцевала на сцене Большого театра 30 августа 1881 г. в балете «Дон Кихот». Я танцевала со старшей воспитанницей Андерсон, которая, несмотря на разницу в возрасте, была одного роста со мной. Мы изображали двух марионеток, которых вел за нити огромный великан, как будто управляя ими. Мы исполняли свой танец на пальцах (пуантах). Я никакого страха не испытывала, а только счастье выступить на сцене.

С малых лет мы приучались к сцене, выступали в балетах и видели, как танцуют наши балерины. Чем старше и опытнее мы становились, тем легче мы могли о них судить, видеть их достоинства и недостатки и составлять свое мнение о том, кто танцует лучше, кто хуже и какой общий уровень нашего балета.

В то время, когда я была в училище, балет на сцене Петербургского театра начал увядать¹³. Балерины старшего поколения, как Соколова, Вазем, Горшенкова, уже не могли служить нам примером, и мой пыл к танцам начал проходить. В то время я уже получала отдельные маленькие роли, и это должно было бы меня подбодрить, но я не видела, что может в будущем меня ожидать и к чему надо стремиться.

Мне шел четырнадцатый год, когда к нам приехала знаменитая балерина Вирджиния Цукки.

В то время мне уже поручали небольшие партии, которые я старалась исполнить как можно лучше, и даже заслуживала за них одобрение. Но я не имела веры в значение того, что у нас делалось, и не получала настоящего внутреннего удовлетворения от своего танца. У меня было даже сомнение в правильности выбранной мной карьеры. Не знаю, к чему это привело бы, если бы появление на нашей сцене Цукки сразу не изменило бы моего настроения, открыв мне смысл и значение нашего искусства. Вирджиния Цукки была уже тогда немолода, но ее необычайное дарование было еще в полной силе. Она произвела на меня впечатление потрясающее, незабываемое. Мне казалось, что я впервые начала понимать, как надо танцевать, чтобы иметь право называться артисткой, балериной. Цукки обладала изумительной мимикой. Всем движениям классического танца она придавала необычайное очарование, удивительную прелесть выражения и захватывала зал.

Для меня исполнение Цукки было и осталось подлинным искусством, и я поняла, что суть не только в виртуозной технике, которая должна служить средством, но не целью.

У Цукки были необыкновенно выразительные движения рук и изгиб спины, которые я хотела запомнить, жадно следя еще детскими глазами за ее исполнением. Говорили потом, что у меня были движения рук и спины, как у Цукки. Когда, уже балериной, мне пришлось исполнять Эсмеральду, я вдохновлялась воспоминанием о ее изумительном по драматизму танце в этой роли. Цукки была моим гением танца, вдохновившим и направившим меня на верный путь в мои ранние, еще полудетские годы подготовки к сцене. И ей за это я осталась навеки верна и благодарна.

Я сразу ожила и поняла, к чему надо стремиться, какой артисткой надо быть. Цукки видела мое обожание, и у меня долго хранился в банке со спиртом подаренный ею цветок, который потом пришлось оставить в России. Пример Цукки так живо врезался в мою память, что потом, разучивая новые балеты, я помнила, как она танцевала некоторые роли, которые пришлось мне исполнять.

Со времени появления Цукки на нашей сцене я стала усиленно работать, с увлечением и энергией, мечтая стать такою же настоящей артисткой.

Ко времени моего выпуска из училища я вполне владела собою на сцене и могла блеснуть на выпускном экзамене, на котором в этом году должна была, кажется впервые, присутствовать вся Царская семья с Государем Александром Третьим во главе.

Этот экзамен решил мою судьбу.

Глава седьмая Выпускной экзамен Пятница 23 марта 1890 года

Выпускной экзамен служил как бы венцом нашей школьной работы и незабываемым днем всей жизни¹⁴. Вся наша карьера была впереди. Для выпускного экзамена первые ученицы имели право сами выбирать себе танец. Я выбрала па-де-де из «Тщетной предосторожности» на музыку итальянской песни «Стелла confidenta», которое незадолго перед тем Цукки танцевала с Павлом Андреевичем Гердтом¹⁵ с огромным успехом. Цукки даже поцеловала на сцене Гердта, что было отмечено как небывалый случай во всех рецензиях. Это был прелестный, выразительный танец, исполненный лукавого кокетства. Костюм у меня был голубой, с букетиками ландышей. Я танцевала с выпускным воспитанником, который тоже кончил училище, – Рахмановым.

В школе администрация относилась ко мне всегда хорошо и даже выделяла меня, но на выпускном экзамене в Высочайшем присутствии надо было выдвинуть не приходящую ученицу, какой была я, а воспитанниц, «пепиньерок». Первыми ученицами были Рыхлякова, классическая танцовщица с виртуозной техникой, и Скорсюк, характерная танцовщица, у которой было много своеобразия и темперамента.

Кроме балетного отделения в спектакле участвовало и драматическое отделение училища.

Сколько волнений было сопряжено с этим спектаклем, сколько радости танцевать в присутствии всей Царской семьи, как бились наши молодые сердца!

Наконец настал желанный день. Стоя на сцене за опущенной занавесью, мы сознавали, мы чувствовали, что в маленьком нашем театре собирается Царская семья на нас посмотреть.

Спектакль прошел прекрасно. Каждая из нас старалась поддержать честь нашей школы. По аплодисментам нельзя было определить, кто больше понравился, так как всем аплодировали одинаково, чтобы никого не обидеть.

После спектакля всех участников собрали в большом репетиционном зале вместе со всем начальством, с классными дамами, учителями и высшим персоналом Дирекции Императорских театров во главе с И. А. Всеволожским. Ученики и ученицы балетного и драматического отделений остались в тех костюмах, в которых выступали. Зал, в котором всех собрали, соединялся со школьным театром длинным, широким коридором, вдоль которого были расположены классы.

Из зала было видно, как из театра вышла Царская семья и медленно двигалась в нашем направлении. Во главе шествия выделялась маститая фигура Императора Александра Третьего, который шел под руку с улыбавшейся Императрицей Марией Федоровной. За ним шел еще совершенно молодой наследник Цесаревич Николай Александрович и четыре брата Государя: Великий Князь Владимир Александрович с супругой, Великой Княгиней Марией Павловной, Великий Князь Алексей Александрович, генерал-адмирал, Великий Князь Сергей Александрович со своей красивой супругой Елизаветой Федоровной и недавно женившийся Великий Князь Павел Александрович со своей молодой супругой Великой Княгиней Александрой Георгиевной (которая ожидала своего первого ребенка, Марию Павловну, родившуюся 6 апреля 1890 года) и генерал-фельдмаршал Великий Князь Михаил Николаевич со своими четырьмя сыновьями.

По традиции представляли сначала воспитанниц, а потом приходящих. Но Государь, войдя в зал, где мы собрались, спросил зычным голосом: «А где же Кшесинская?»

Я стояла в стороне, не ожидая такого нарушения правил. Начальница и классные дамы засуетились. Они собирались подвести двух первых учениц, Рыхлякову и Скорсюк, но тотчас подвели меня, и я сделала Государю глубокий поклон, как полагалось. Государь протянул мне руку со словами:

– Будьте украшением и славою нашего балета.

Я снова сделала глубокий реверанс и в своем сердце дала обещание постараться оправдать милостивые слова Государя. Потом я поцеловала руку Государыни, как требовалось.

Я так была ошеломлена тем, что произошло, что почти не сознавала происходящего вокруг меня. Слова Государя звучали для меня как приказ. Быть славой и украшением русского балета – вот то, что теперь волновало мое воображение. Оправдать доверие Государя – было для меня новой задачей, которой я решила посвятить мои силы.

Когда все по очереди были представлены Государю и Государыне и были обласканы ими, все перешли в столовую воспитанниц, где был сервирован ужин на трех столах – двух длинных и одном поперечном.

Войдя в столовую, Государь спросил меня:

– А где ваше место за столом?

– Ваше Величество, у меня нет своего места за столом, я приходящая ученица, – ответила я.

Государь сел во главе одного из длинных столов, направо от него сидела воспитанница, которая должна была читать молитву перед ужином, а слева должна была сидеть другая, но он ее отодвинул и обратился ко мне:

– А вы садитесь рядом со мною.

Наследнику он указал место рядом и, улыбаясь, сказал нам:

– Смотрите только, не флиртуйте слишком.

Перед каждым прибором стояла простая белая кружка. Наследник посмотрел на нее и, повернувшись ко мне, спросил:

– Вы, наверное, из таких кружек дома не пьете?

Этот простой вопрос, такой пустячный, остался у меня в памяти. Так завязался мой разговор с Наследником. Я не помню, о чем мы говорили, но я сразу влюбилась в Наследника. Как сейчас вижу его голубые глаза с таким добрым выражением. Я перестала смотреть на него только как на Наследника, я забывала об этом, все было как сон.

По поводу этого вечера в дневнике Государя Императора Николая Второго под датой 23 марта 1890 года было записано:

«Поехали на спектакль в Театральное училище. Была небольшая пьеса и балет. Очень хорошо. Ужинали с воспитанниками». Так я узнала через много лет об его впечатлении от нашей первой встречи.

Посидев немного с нами, Государь пересел за другой стол, а на его место сел старый Великий Князь Михаил Николаевич. Потом по очереди садились все старшие члены Императорской семьи, чтобы всем одинаково оказать внимание.

Когда я прощалась с Наследником, который просидел весь ужин рядом со мною, мы смотрели друг на друга уже не так, как при встрече, в его душу, как и в мою, уже вкралось чувство влечения, хоть мы и не отдавали себе в этом отчета.

Какая я была счастливая, когда в тот вечер вернулась домой! Какая была радость увидеть счастье родителей, которые гордились моим успехом! Я всю ночь не могла спать от радостного волнения и все думала о событиях этого вечера.

На другое утро я должна была рано ехать в училище. У нас был маленький шарабан, запряженный пони, которых шутя называли крысами феи Карабос из «Спящей красавицы». Когда я ехала по улицам, мне казалось, что все на меня смотрят, что я уже знаменитость и все уже знают о моем счастье.

Дня через два я шла с сестрой по Большой Морской, и мы подходили к Дворцовой площади под арку, как вдруг проехал Наследник. Он узнал меня, обернулся и долго смотрел мне вслед.

Какая это была неожиданная и счастливая встреча!

В другой раз я шла по Невскому проспекту мимо Аничкова дворца, где в то время жил Император Александр Третий, и увидела Наследника, стоявшего со своей сестрой, Ксенией Александровной, в саду, на горке, откуда они через высокий каменный забор, окружавший дворцовый сад, любовались улицей и смотрели на проезжавших мимо. Опять неожиданная радостная встреча.

Шестого мая, в день рождения Наследника, я убрала всю свою комнату маленькими флажками. Это было по-ребячески, но в этот день весь город был разубран флагами.

Случайные встречи с Наследником на улицах были еще несколько раз.

Вскоре после училищного спектакля, до официального выпуска, я получила первый дебют на сцене в бенефисном спектакле Папкова 22 апреля 1890 г. Я танцевала уже не с воспитанником, а с опытным артистом, Николаем Легатом¹⁶, и это придавало мне уверенности.

Известный критик А. Плещеев неоднократно отмечал мои первые выступления. По поводу моего дебюта он писал:

«Гвоздем бенефиса г. Папкова были дебюты трех юных дочерей многочисленного семейства Терпсихоры – г-жи Кшесинской, Скорсюк и Рыхляковой.

Г-жа Кшесинская в па-де-де из «Тщетной предосторожности» произвела самое приятное впечатление. Грациозная, хорошенькая, с веселой детской улыбкой, она обнаружила серьезные хореографические способности в довольно обработанной форме: у г-жи Кшесинской твердый носок, на котором она со смелостью, достойной опытной балерины, делала модные двойные круги. Наконец, что опять поразило меня в молодой дебютантке, это безупречная верность движения и красота стиля. Очень удачным партнером г-жи Кшесинской 2-й оказался г. Легат. Па-де-де имело огромный успех, несмотря на то, что недавно еще его исполнили г-жа Цукки и г. Гердт».

Через неделю после этого спектакля я выступила в дивертисменте, и А. Плещеев опять меня похвалил:

«Через неделю в дивертисменте снова отличилась г-жа Кшесинская 2-я. За несколько лет до своих дебютов г-жа Кшесинская, будучи еще девочкой, танцевала в «Пахите» в известной мазурке, и тогда уже синклит балетоманов предсказал ей блестящую будущность. На нее особенно указывал А. А. Гринев, и был, как видите, прав».

Гринев был мужем Екатерины Вазем и большим любителем балета. Он увлекал публику своим энтузиазмом и громкими возгласами, когда танцевала его жена: «Браво, Катька!»

Известный критик Скальковский по поводу моих дебютов сравнивал меня с Вирджинией Цукки. Он очень меня ценил и постоянно отмечал в своих рецензиях.

После всех волнений и радостей надо было готовиться к выпускным экзаменам. В танцах я упражнялась днем, в училище, а по наукам готовилась ночью, у себя дома, когда весь дом спал. Была весна, петербургские белые ночи. Чашка крепкого кофе – и так чудно, так легко было заниматься.

Я окончила училище с первой наградой и получила Полное собрание сочинений Лермонтова¹⁷. После выпуска мне казалось, что счастливее меня никого не может быть. Мне было семнадцать с половиной лет.

После окончания училища я уехала с родителями в Красницы, в наше именье. Впереди предстояли красносельские спектакли, во время лагерного сбора, на которых я должна была выступать. В Красное Село меня влекло больше всего то, что там я, наверное, снова встречу Наследника, который в этом году служил в Гусарском полку и потому должен был быть все лето в лагере, а значит, на всех спектаклях.

Глава восьмая

Мой первый красносельский сезон

В Красном Селе, расположенном в 24-х верстах от Санкт-Петербурга по Балтийской железной дороге, издавна бывал в летнее время лагерный сбор для практической стрельбы и маневров.

В шестидесятых годах прошлого века, в бытность Великого Князя Николая Николаевича Старшего Главнокомандующим Санкт-Петербургского Военного Округа, а во время турецкой войны 1877–1878 годов Главнокомандующим войсками на Дунайском фронте, в Красном Селе был построен деревянный театр для развлечения офицеров во время лагерного сбора¹⁸. В течение июля и первой половины августа, когда Великий Князь жил в лагере, в Красносельском театре давали спектакли два раза в неделю. Ставилась какая-нибудь веселая пьеса и балетный дивертисмент.

После окончания Театрального училища я была зачислена 1 июня 1890 года в балетную труппу Императорских театров и должна была принимать участие в красносельских спектаклях.

По старой традиции последний спектакль летнего красносельского сезона заканчивался общим галопом *Galop Infernal*, в котором участвовали все выступавшие в тот вечер артисты. Мы только что начали репетицию, как совершенно неожиданно в театр приехал Великий Князь Николай Николаевич Старший, давно живший на покое. В молодости он очень увлекался балетной артисткой Числовой и имел от нее двух сыновей, получивших фамилию Николаевых и служивших впоследствии в Лейб-Гвардии Конно-Гренадерском полку, и двух дочерей, из которых одна, настоящая красавица, вышла замуж за князя Кантакузена.

Много лет спустя, когда стали ремонтировать театр и поставили леса, было установлено, что одна из женских головок, нарисованных в медальонах, была Числовой, и можно было даже прочесть под ней надпись, которую раньше издали разглядеть было нельзя. Великий Князь очень любил моего отца и балетмейстера Льва Ивановича Иванова, был с ними на «ты», и они часто запросто бывали у него.

Когда началась репетиция галопа, Великий Князь сидел в царской ложе, как вдруг он остановил танец и стал горячо доказывать Иванову, что галоп поставлен им неправильно. Лев Иванов стал возражать, но Великий Князь выскочил на сцену и сам стал показывать, как надо исполнять галоп.

Первый красносельский спектакль в том сезоне, когда я поступила в труппу, был в день объезда лагеря Главнокомандующим, Великим Князем Владимиром Александровичем, любимым братом Императора Александра Третьего.

Я ждала этого дня с замиранием сердца. Моей главной мечтой было увидеть Наследника и, может быть, встретиться с ним во время спектакля. По старому обычаю Государь и Великие Князья приходили на сцену во время антракта перед балетным дивертисментом и разговаривали с артистами.

Мои мечты сбылись. Не только в первый день, но и на всех представлениях Наследник приходил на сцену и разговаривал со мной. Со времени училищного спектакля я мечтала снова увидеть его хоть издали, и теперь, когда могла даже говорить с ним, я была бесконечно счастлива.

В первом красносельском сезоне мне не давали отдельных выступлений, а только вместе с другими, и уборная моя была во втором этаже. Только раз, когда мне дали отдельный танец, мне отвели лучшую уборную внизу, окна которой выходили на царский подъезд, и я могла, стоя у окна, свободно разговаривать с молодыми Великими Князьями и с Наследником.

В один из таких вечеров, перед балетным дивертисментом, я выбежала веселая на сцену и чуть не столкнулась с Государем, но вовремя успела остановиться и поклониться ему. Государь сказал с улыбкой: «Наверное, кокетничали».

Государь и Царская семья сидели в левой ложе, если смотреть в зал со сцены. А когда в ложе места не хватало, то садились в первом ряду. Государь же всегда сидел в ложе, у самой сцены, между двумя колоннами.

Быстро прошли счастливые летние дни красносельского сезона, так памятные мне своей беспечной радостью и надеждами.

Государь после лагерного сбора вернулся в Петергоф, где обычно проводил конец лета. У меня больше не было надежды увидеть Наследника. Он должен был уехать на девять месяцев в кругосветное путешествие. Мне было очень грустно.

Я влюбилась в Наследника с первой нашей встречи. После летнего сезона, когда я могла встретиться и говорить с ним, мое чувство заполнило всю мою душу, и я только о нем могла думать. Мне казалось, что хоть он и не влюблен, но все же чувствует ко мне влечение, и я невольно отдавалась мечтам. Нам ни разу не удавалось поговорить наедине, и я не знала, какое чувство он питает ко мне. Узнала я это уже потом, когда мы стали близки.

Теперь, шестьдесят лет после тех счастливых дней, я могла прочесть в дневнике Государя, изданном после переворота, его записи, относящиеся к тому лету в Красном Селе, когда он был еще Наследником и мы еще могли только встречаться при людях. Сердце тогда подсказывало мне правду о чувстве Наследника ко мне.

Заметки в дневнике написаны в 1890 году, во время лагерного сбора:

«10 июля, вторник: Был в театре, ходил на сцену.

17 июля, вторник: Кшесинская 2-я мне положительно очень нравится.

30 июля, понедельник: Разговаривал с маленькой Кшесинской через окно.

31 июля, вторник: После закуски в последний раз заехал в милый Красносельский театр. Простился с Кшесинской.

1 августа, среда. В 12 часов было освящение штандартов. Стояние у театра дразнило воспоминания».

Вот что он писал тогда, в те чудные летние дни.

В это лето я раз была в Петергофе у Маруси Пуа-ре и весь день надеялась встретить Наследника на прогулке, но этого не случилось.

Товарищем по полку Наследника был гусар Евгений Волков, которого я хорошо знала. Он должен был сопровождать Наследника в кругосветном путешествии. Волков жил тогда с одной из балетных артисток, Татьяной Николаевой, я узнала от нее, что Наследник говорил Волкову о своем желании встретиться со мною до своего отъезда. Он хотел, чтобы Волков это свидание устроил. Но я жила с родителями, а за ним, конечно, строго следили, и устроить нашу встречу было, очевидно, невозможно. Тогда Наследник попросил меня прислать ему фотографию, но я так ужасно выглядела на моей последней карточке, что не хотела ее дать, а другой у меня не было. Так он и не получил моей фотографии.

Настал печальный день отъезда Наследника в кругосветное путешествие.

23 октября (5 ноября) 1890 года он выехал из Гатчины со своим братом Великим Князем Георгием Александровичем в Афины. Осмотрев город, они пересели на крейсер «Память Азова». С ними поехал королевич Георгий Греческий.

Я по газетам следила за его путешествием и всегда знала, где он находится в данный момент. Хотя я никогда не рисовала раньше, я занялась рисованием, и мне удалось снять копию карандашом с гравюры Наследника, а потом срисовать его портрет с фотографии в морской форме, но этот портрет я не успела закончить.

Главными пунктами остановок были Каир, Бомбей, Калькутта, Цейлон, Сингапур, Сайгон, Нагасаки и Киото. 29 апреля (11 мая) 1891 года Наследник прибыл в Оцу, и там произо-

шло на него покушение. Японский фанатик ударил его саблей по голове, и только благодаря присутствию духа королевича Георгия, успевшего палкой отвести удар и тем самым уменьшить его силу, рана не оказалась смертельной. Но след от нее остался у Наследника на всю жизнь, и он говорил, что у него бывают головные боли на этом месте. О покушении мы узнали тотчас, но без подробностей. Первое время никто даже не знал, в каком состоянии было здоровье Наследника. Можно себе представить мой ужас при этом известии и как я была счастлива, когда наконец дошли более успокоительные вести.

Государь приказал прервать путешествие по Японии и тотчас вернуться домой. Обратный путь Наследник совершил через Владивосток и всю Сибирь проехал на лошадях.

Наследник вернулся 4 (16 августа) 1891 года прямо в Красное Село, где находились Государь и Императрица. В тот же вечер он был в театре, и я его увидела впервые после путешествия. Я была счастлива, но это счастье длилось недолго. Вскоре он уехал с родителями в Данию и вернулся в Петербург лишь к концу года.

Глава девятая

Первый сезон на Императорской сцене

В первом моем сезоне на Императорской сцене мне еще не давали целых балетов, но все же давали ответственные места, в которых я могла показать свои способности. В балете «Спящая красавица» я исполняла различные роли – в первом акте фею Кандид, во втором маркизу, а в последнем Красную Шапочку, и этот мой танец с Волком особенно любил Наследник. Кроме того, я, как все балетные молодые артистки, принимала участие в оперных спектаклях, когда были танцы. Я участвовала в двадцати двух балетах и двадцати одной опере, как отмечает Ежегодник Императорских театров за 1890–1891 годы.

Мы с сестрой продолжали жить у родителей после окончания школы, и нам разрешалось выходить только к близким знакомым, да и то с провожатыми. Мы находили все же разные уловки, чтобы обмануть бдительность родных. Если хотелось пойти куда-нибудь повеселиться, куда нас могли и не пустить, то мы выдумывали, что нас пригласили куда-нибудь, куда нам наверное разрешали ходить. А если надо было ехать в вечерних платьях, то мы поверх них надевали пальто, шли прощаться к родителям в таком виде, а по возвращении домой быстро скидывали свой вечерний туалет и отправлялись пожелать родителям покойной ночи уже в ночных рубашках. Одним словом, мы на деле разыгрывали «тщетную предосторожность». Все это было так занято, так полно волнений и страхов, что наши выезды приобретали для нас еще больше прелести. Но по существу это были совершенно невинные проделки.

Я хотела добиться виртуозности итальянской школы, которая пленяла публику, и стала брать уроки у маэстро Энрико Чекетти¹⁹, продолжая бывать в классах для артисток у Христиана Петровича Иогансона, которого очень любила и ценила. Но его очень обидело мое хождение к итальянскому учителю. Когда я раз пришла с урока Чекетти с опозданием в класс Иогансона, старик подошел ко мне и спокойно при всех сказал: «Если вам не нравится мое преподавание, то я могу с вами не заниматься совсем». Мне стало так стыдно и больно, что я перестала ходить заниматься к Чекетти, а итальянскую технику разучивала одна.

Когда я получила отпуск после окончания сезона 1890/91 года, мой крестный отец Стракач в награду за окончание училища пригласил меня поехать с ним за границу. Он был владельцем большого бельевого магазина в Санкт-Петербурге, известного под фирмой Артюр. Он меня очень любил и с большим умением устроил это путешествие.

Мы начали с Биаррица, а оттуда проехали в Лурд помолиться перед Чудотворной Мадонной. Я всегда потом, когда бывала поблизости от Лурда, ездила туда. В Лурде мы купили образки и сувениры. Затем мы побывали в Риме, в Милане, где пошли в театр «Ла Скала», объездили много красивых мест в Италии и закончили наше путешествие в Париже, где у крестного были дела. Получив много радостей и удовольствия, я вернулась с крестным в Санкт-Петербург к предстоящему зимнему сезону.

Глава десятая

Счастливые дни

Когда Наследник вернулся из Дании осенью 1891 года, я встречала его только случайно на улице. Только раз удалось мне с ним встретиться на репетиции оперы «Эсklarмонда», в которой выступала красавица шведка Сандерсон. На спектакле присутствовал Государь и вся Царская семья. Это было 4 января 1892 года.

Государь и Наследник сидели в первом ряду, а Императрица и Великая Княгиня – в Царской ложе. Я была в одной из лож бельэтажа, в том же ярусе, что и Царская ложа. Во время одного из антрактов я вышла в коридор и, спускаясь вниз, встретила на лестнице с Наследником, который поднимался вверх, направляясь в Царскую ложу. Задержаться было нельзя, так как кругом была публика. Но мне все же было радостно увидеть его так близко.

Я любила каждый день кататься в одиночке с русским кучером и на набережной часто встречала Наследника, который тоже выезжал в это время. Но это были встречи на расстоянии. У меня как-то на глазу вскочил фурункул, а затем и на ноге. Я все же продолжала выезжать на катанье с повязкой на глазу, пока глаз от ветра так не разболелся, что пришлось несколько дней оставаться дома. Наследник, вероятно, заметил и повязку на глазу, и потом мое отсутствие.

Мы жили с родителями, и у меня с сестрой была своя половина – небольшая спальня для нас обеих и кокетливо убранная гостиная. Наша спальня была рядом с комнатой отца и отделялась большим туалетным столом, который закрывал дверь в отцовский кабинет.

Я сидела дома вечером с повязкой на больном глазу, а сестра куда-то ушла, никого не было дома. В передней вдруг раздался звонок, и я слышала, как горничная пошла отворять дверь. Она доложила, что пришел гусар Волков, и я велела провести его в гостиную. Одна дверь из гостиной вела в переднюю, а другая в зал – и через эту дверь вошел не гусар Волков, а... Наследник.

Я не верила своим глазам, вернее, одному своему глазу, так как другой был повязан. Эта неожиданная встреча была такая чудесная, такая счастливая. Оставался он в тот первый раз недолго, но мы были одни и могли свободно поговорить. Я так мечтала с ним встретиться, и это случилось так внезапно. Я никогда не забывала этого вечернего часа нашего первого свидания.

На другой день я получила от него записку на карточке:

«Надеюсь, что глазок и ножка поправляются... до сих пор хожу как в чаду. Постараюсь возможно скорее приехать. Ники».

Это была первая записка от него. Она произвела на меня очень сильное впечатление. Я тоже была как в чаду.

Потом он часто писал мне. В одном из писем он привел слова из арии Германа в «Пиковой даме»: «Прости, небесное создание, что я нарушил твой покой». Он очень любил мое выступление в этой опере, я танцевала в костюме пастушки и в белом парике в пасторали, в сцене бала первого акта. Мы изображали саксонского фарфора статуэтки стиля Людовика XV. Нас выкатывали на сцену попарно на подставках, мы прыгивали с подставок и танцевали, в то время как хор пел «мой миленький дружок, прелестный пастушок». Исполнив пастораль, мы вскакивали обратно на подставку, и нас увозили за кулисы. Наследник очень любил эту сцену.

В другом письме он вспоминал любовь Андрия к польской панночке в «Тарасе Бульбе» Гоголя, ради которой он забыл все: и отца, и даже родину. Я не сразу поняла смысл его письма: «Вспомни Тараса Бульбу и что сделал Андрий, полюбивший польку».

Его первую записку я перечитывала много, много раз и запомнила ее наизусть. Все его письма я хранила свято.

После своего первого посещения Наследник стал часто бывать у меня по вечерам. Вслед за ним стали приходиться Михайловичи, как мы называли сыновей Великого Князя Михаила Николаевича: Великие Князья Георгий, Александр и Сергей Михайловичи. Мы очень уютно проводили вечера. Михайловичи пели грузинские песни, которым они выучились, живя на Кавказе, где отец их был Наместником почти двадцать лет. Сестра тоже часто проводила вечера с нами. Живя у родителей, я ничем не могла угостить своих гостей, но иногда мне удавалось все же подать им шампанское.

В один из вечеров Наследник вздумал исполнить мой танец Красной Шапочки в «Спящей красавице». Он вооружился какой-то корзинкой, нацепил себе на голову платочек и в полутемном нашем зале изображал и Красную Шапочку, и Волка.

Наследник стал часто привозить мне подарки, которые я сначала отказывалась принимать, но видя, как это огорчает его, я принимала их. Подарки были хорошие, но не крупные. Первым его подарком был золотой браслет с крупным сапфиром и двумя большими бриллиантами. Я выгравировала на нем две, мне особенно дорогие и памятные даты – нашей первой встречи в училище и его первого приезда ко мне: 1890–1892.

Раз, когда Наследник был у меня, у парадной двери раздался звонок. Горничная доложила, что приехал градоначальник и что ему непременно нужно видеть Наследника. Наследник вышел в переднюю и, вернувшись потом, сказал, что Государь его спрашивал и ему доложили, что он из дворца выехал. Градоначальник счел долгом об этом ему сообщить, и Наследник тотчас поехал к отцу в Аничков дворец.

По воскресеньям я бывала в Михайловском манеже на конских состязаниях. Моя ложа была как раз напротив Царской, и Наследник всегда присылал мне в ложу цветы с двумя гусарами, его однополчанами – князем Петром Павловичем Голицыным, которого мы называли Пикой Голицыным, и Пепой Котляревским. Их называли моими адъютантами, а они меня – ангелом. По окончании состязаний я возвращалась на своей одиночке шагом по Караванной улице по направлению к Аничковому дворцу с тем расчетом, что Наследник меня по дороге обгонит и я смогу на него еще раз взглянуть.

Двадцать пятого марта, в день Благовещения, я присутствовала на параде Конного полка по случаю его полкового праздника. Я была в одной из лож для публики в конце манежа, и, когда Государь со свитой обходил фронт полка, Наследник, идя за ним, в упор смотрел на меня, а я на него влюбленными глазами.

В один из вечеров, когда Наследник засиделся у меня почти что до утра, он мне сказал, что уезжает за границу для свидания с принцессой Алисой Гессенской, с которой его хотят сватать. Впоследствии мы не раз говорили о неизбежности его брака и о неизбежности нашей разлуки. Часто Наследник привозил с собой свои дневники, которые он вел изо дня в день, и читал мне те места, где он писал о своих переживаниях, о своих чувствах ко мне, о тех, которые он питает к принцессе Алисе. Мною он был очень увлечен, ему нравилась обстановка наших встреч, и меня он безусловно горячо любил. Вначале он относился к принцессе как-то безразлично, к помолвке и к браку – как к неизбежной необходимости. Но он от меня не скрыл затем, что из всех тех, кого ему прочили в невесты, он ее считал наиболее подходящей и что к ней его влекло все больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение.

Мнения могут расходиться на счет роли, сыгранной Императрицей во время царствования, но я должна сказать, что в ней Наследник нашел себе жену, целиком воспринявшую русскую веру, принципы и устои царской власти, женщину больших душевных качеств и долга. В тяжелые дни испытаний и заключения она была его верной спутницей и опорой и вместе с ним со смирением и редким достоинством встретила смерть.

Известие о его сватовстве было для меня первым настоящим горем. После его ухода я долго сидела убитая и не могла потом сомкнуть глаз до утра. Следующие дни были ужасны. Я не знала, что дальше будет, а неведение ужасно.

Я мучилась безумно.

Поездка оказалась неудачной, и Наследник вернулся довольно скоро. Принцесса Алиса отказалась переменить веру, а это было основным условием брака, и помолвка не состоялась.

После своего возвращения Наследник снова стал бывать у меня, веселый и жизнерадостный. Я чувствовала, что он стремился ко мне, и я видела, что он был рад тому, что помолвка не совершилась. А я была бесконечно счастлива, что он вернулся ко мне.

Кончился зимний сезон, наступало лето, и я собиралась с родителями в имение, а Наследник – в Красное Село. Мы оба мечтали о предстоящих встречах в Красносельском театре. Сезон сулил быть особенно веселым, и действительно, это было счастливое для меня лето.

Глава одиннадцатая

Красносельский сезон 1892 года

Репетиции для летнего сезона в Красном Селе происходили в Театральном училище, и мы с сестрой приезжали из нашего имения Красницы в город, останавливаясь иногда на несколько дней в нашей квартире. Как только я входила в квартиру, я первым делом бросалась к роялю, на котором складывалась наша корреспонденция, и всегда находила письмо от Наследника.

Прислуга оставалась летом на квартире, и мы дома отлично ели, даже могли приглашать гостей: будущего мужа моей сестры барона Зедделера, обоих гусаров, князя Пику Голицына и Пепу Котляровского, и Володю Свечина, которого я еще помнила правоведом. Он служил теперь в Преображенском полку, одно время вместе с Наследником, и обожал его, стараясь во всем ему подражать. Он носил такую же бороду, как Наследник, катался, как он, в одиночке с толстым кучером, носил закинутый назад башлык и даже руки старался держать, скрестив у пояса, как Наследник. Он был на него похож и приходил в восторг, когда ему отдавали честь как Наследнику, становясь во фронт. Летом Володя Свечин жил в Сергиеве около Стрельны, где у него была своя дача. Иногда он устраивал приятные и милые обеды для меня и сестры, за которой немного ухаживал.

В дни спектаклей артисты выезжали в Красное Село по Балтийской железной дороге и приезжали обычно ко времени завтрака в ресторане напротив театра.

Я окончательно получила в этом сезоне нижнюю лучшую уборную, которая выходила двумя окнами на Царский подъезд. Я постаралась устроить ее как можно уютнее и наряднее: заказала мебель из светлого дерева, стены обтянула красивым кретоном и повсюду расставила цветы. В уборной была кушетка, туалетный стол и стулья.

Великий Князь Владимир Александрович любил присутствовать на репетициях, которые начинались в три часа. Он заходил в мою уборную посидеть и поболтать. Я ему нравилась, и он шутя говорил, что жалеет о том, что недостаточно молод. Он подарил мне свою карточку с надписью – «Здравствуй, душка». До конца своей жизни он оставался моим верным другом.

В это лето Наследник стал часто бывать на репетициях. Я знала о часе его приезда и стояла у окна, поджидая его. Из своих окон я могла видеть его издали, когда он появлялся на прямой дороге, ведущей от дворца через театральный парк к театру.

Соскочив молодецки с лошади, он прямо шел ко мне в уборную, где оставался до начала репетиции и чувствовал себя уютно, как дома. Мы могли свободно болтать вдвоем.

Во время репетиции Наследник садился в Царской ложе между колоннами у самой сцены, которая была почти на том же уровне. Он требовал, чтобы я садилась на край ложи, упираясь ногами в пол сцены. Пока другие репетировали, мы могли свободно продолжать болтать. Наследник оставался до конца репетиции и уезжал потом во дворец к обеду.

Вечером, ко времени приезда Государя и Императрицы, все артисты стояли у окон, выходящих в сторону Царского подъезда, и когда показывалась открытая коляска Их Величеств, запряженная великолепной тройкой, с казаком на козлах, все кланялись им, и Государь улыбался в ответ, прикладывая руку к козырьку, а Императрица дарила нас своей очаровательной улыбкой. Сзади на своей тройке ехал Наследник. Во всех трех этажах театра были раскрыты окна, и все стояли в них, пока Их Величества не входили в театр.

В антрактах ко мне в уборную приходили не только молодые Великие Князья, но и старшие: Владимир Александрович, Алексей Александрович, принц Христиан Датский, племянник Императрицы, будущий Король и Великий Герцог Мекленбург-Шверинский, муж Великой Княгини Анастасии Михайловны, на редкость обаятельный человек, с которым я очень подру-

жила. Приходил герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский и другие. Приходило ко мне в уборную много посетителей особенно в последнем антракте, перед балетом, и потом все шли на сцену, где артисты собирались в своих костюмах перед началом дивертисмента.

В это лето мы раз условились с Наследником, что после спектакля он поедет сперва во дворец поужинать у Государя, а потом вернется на своей тройке в театр за мной, чтобы вместе ехать к барону Зедделеру в Преображенский полк в его барак, куда должна была поехать и моя сестра. Было условлено, что я буду ожидать Наследника в парке, недалеко от театра. В пустынной аллее было темно, в театре огни были потушены, кругом был полный мрак, и мне было страшно одной. Для храбрости я взяла с собою театрального капельдинера. Вскоре я слышала издали бубенцы его лихой тройки, увидела огни его фонарей, и Наследник подкатил к театру. Была чудная ночь, и мы решили до ужина прокатиться по всему Красному Селу. Мы вихрем носились по пустынным дворам, а потом отправились ужинать. Барон Зедделер жил в одном барачке с товарищем по полку, Шлиттером, который один остался без дамы за ужином. Сестра увлекалась Зедделером, я Наследником, а ему не за кем было ухаживать, и он шутя говорил о себе: «Ни Богу свечка, ни черту кочерга». Ужин был очень веселый. Наследник сидел до утра, и ему не хотелось возвращаться домой. Какой это был чудесный, незабываемый вечер!

Последний спектакль закончился, как всегда, грандиозным галопом, и к горлу подступали слезы при мысли, что кончился летний сезон, когда я могла свободно встречаться с Наследником.

Наследник после лагеря уехал с Государем в Данию, откуда я получала от него прелестные письма, трогательные и сердечные.

Нас все более влекло друг к другу, и я все чаще стала подумывать о том, чтобы обзавестись собственным уголком. Встречаться у родителей становилось просто невыносимым. Хотя Наследник, с присущей ему деликатностью, никогда об этом открыто не заговаривал, я чувствовала, что наши желания совпадают.

Но как сказать об этом родителям?²⁰ Я знала, что причиню им огромное горе, когда скажу, что покидаю родительский дом, и это меня бесконечно мучило, ибо родителей своих, от которых я видала лишь заботу, ласку и любовь, я обожала. Мать, говорила я себе, еще поймет меня как женщина, я даже была в этом уверена, и не ошиблась, но как сказать отцу? Он был воспитан в строгих принципах, и я знала, что нанесу ему страшнейший удар, принимая во внимание те обстоятельства, при которых я покидала семью. Я сознавала, что совершаю что-то, чего я не имею права делать из-за родителей, Но... я обожала Ники, я думала лишь о нем, о моем счастье, хотя бы кратком...

До сих пор, вспоминая тот вечер, когда я пошла сказать отцу, я переживаю каждую минуту. Он сидел в своем кабинете за письменным столом. Подойдя к двери, я не решалась войти. Решилась бы я или нет... но меня выручила сестра. Она вошла в кабинет и обо всем рассказала отцу. Хотя он умел владеть собой, я не могла не заметить, что в нем творится, и сразу же почувствовала, как он страдает. Он выслушал меня внимательно и лишь спросил, отдаю ли я себе отчет в том, что никогда не смогу выйти замуж за Наследника и что в скором времени должна буду с ним расстаться.

Я ответила, что отлично все сознаю, но что я всей душой люблю Ники, что не хочу задумываться о том, что меня ожидает, я хочу лишь воспользоваться счастьем, хотя бы и временным, которое выпало на мою долю.

Отец дал свое согласие, но поставил условием, чтобы со мною поселилась моя сестра. Тяжело ему было пойти на этот шаг. Я мучилась при мысли, что причиняю ему незаслуженное горе, и было все же как-то грустно уходить из-под родительского крова. Но камень с плеч упал, тяжелые моменты были пережиты и остались позади. На душе стало легче. Я начала мечтать о моей предстоящей самостоятельной жизни.

Я нашла маленький, прелестный особняк на Английском проспекте, № 18²¹, принадлежавший Римскому-Корсакову. Построен он был Великим Князем Константином Николаевичем для балерины Кузнецовой, с которой он жил. Говорили, что Великий Князь боялся покушений и потому в его кабинете первого этажа были железные ставни, а в стену был вделан нескораемый шкаф для драгоценностей и бумаг.

Дом был двухэтажный, хорошо обставленный, и был у него хороший большой подвал. За домом был небольшой сад, обнесенный высоким каменным забором. В глубине были хозяйственные постройки, конюшня, сарай. А позади построек снова был сад, который упирался в стену парка Великого Князя Алексея Александровича.

При переезде в дом я переделала только спальню на первом этаже, при которой была прелестная уборная. В остальном я оставила дом без изменения. Электричества тогда еще не было, и дом освещался керосиновыми лампами всех видов и размеров.

Я ждала возвращения Наследника теперь у себя дома.

Глава двенадцатая

Начало моей самостоятельной жизни

Предстоящий сезон обещал быть исключительным. Я ожидала Наследника у себя в доме, могла свободно и когда хотела его принимать, а в то же время в театре я должна была получить первые роли в лучших балетах²² и выступать уже как настоящая балерина в целом балете, а не в отдельных небольших ролях.

Дом весь был готов к приезду Наследника, и только не было у меня еще кухарки. Обеды и ужины приходилось брать из ближайших ресторанов, но это нисколько не портило нашего радостного настроения.

Я устроила новоселье, чтобы отпраздновать мой переезд и начало самостоятельной жизни. Все гости принесли мне подарки к новоселью, а Наследник подарил восемь золотых, украшенных драгоценными камнями чарок для водки.

Много счастливых дней я прожила в этом доме. Наследник обыкновенно приезжал вечером, к ужину, весь день он был очень занят. Приезжали с ним иногда и его молодые дяди, Великие Князья Георгий, Александр и Сергей Михайловичи. Бывали у меня граф Андрей Шувалов с Верой Легат, балетной артисткой, на которой он потом женился, и Николай Николаевич Фигнер, тенор Мариинской оперы, которого Наследник очень любил.

После ужина Михайловичи по обыкновению пели грузинские песни, а мы играли в маленький скромный баккара, что выходило очень уютно.

После переезда Наследник подарил мне свою фотографию с надписью: «Моей дорогой пани», как он меня всегда называл.

Я знала приблизительно время, когда Наследник ко мне приезжал, и садилась у окна. Я издали прислушивалась к мерному топоту копыт его великолепного коня о каменную мостовую, затем звук резко обрывался – значит, рысак остановился как вкопанный у моего подъезда.

Мне очень хотелось получить балет «Эсмеральда», в котором так изумительно танцевала Цукки. Я попросила об этом нашего знаменитого, всевластного балетмейстера Мариуса Ивановича Петипа.

Он говорил всегда по-русски, хотя очень плохо его знал и так и не выучился за долгие годы пребывания в России. Ко всем он обращался на «ты». Приходил обыкновенно завернувшись в свой клетчатый плед и посвистывая. Он приходил с уже готовым планом и ничего не придумывал во время репетиции. Не глядя на нас, он просто показывал, приговаривая на своем особенном русском языке: «Ты на я, я на ты, ты на мой, я на твой», что означало переход с одной стороны на его сторону – «ты на я», причем он для ясности тыкал себе пальцем в грудь при слове «я». Или с дальней стороны сцены – «твой» на ближнюю к нему – «мой». Мы его язык знали и понимали, чего он от нас хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.